

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Б. В. АКСЮМОВ профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- М. К. ГОРШКОВ директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук
- А. В. ДМИТРИЕВ главный научный сотрудник Института философии РАН, советник РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии
- С. Ю. ИВАНОВА главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Т. В. КУЗНЕЦОВА профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
- М. А. МАНУИЛЬСКИЙ заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук
- А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- А. П. ОХОТА психолог-консультант Национального открытого университета России, кандидат психологических наук
- С. В. ПОПОВА доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, кандидат философских наук
- А. П. САДОХИН профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- С. В. СНАПКОВСКАЯ заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
- Л. Г. ТИТОВА заведующая кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Как председатель Оргкомитета Чтений я хочу, во-первых, официально поприветствовать вас, пожелать успехов в работе и поблагодарить за участие, а во-вторых, обратить ваше внимание на ряд содержательных моментов.

Каждый из нас является специалистом в определенной сфере деятельности и разрабатывает ряд тем, которые нам лично очень интересны. Но я хочу еще раз повторить то, что говорил многим в процессе подготовки докладов: Лихачевские чтения не предназначены для популяризации предметов наших личных увлечений, а также для того, чтобы произносить с этой трибуны фрагменты своих лекций или призывать обратить внимание на те или иные животрепещущие вопросы. У Лихачевских чтений есть своя вполне определенная миссия, отличающая их от узко-профессиональных, специальных конференций. Например, если ваши научные предпочтения включают такую тему, как презумпция невиновности, то рассмотрите этот вопрос с точки зрения диалога культур: как она развивается в историческом процессе, как переосмысливается в разных культурах, как сталкивается с нашим менталитетом, каков опыт реализации понятия «презумпция невиновности» в тех или иных странах, — тогда мы скажем о том, как презумпция невиновности участвует в диалоге культур и является примером осуществления этого диалога. То же самое касается экономических проблем, конфликтов и т. д. К примеру, семейный конфликт является предметом конференции по диалогу культур? Скорее всего, супруги принадлежат к одной и той же культуре, но просто один из них лучше воспитан, а другой — хуже, или не сошлись характерами. Но если мы выявим в этом конфликте столкновение культур, тогда это наша тема. Так же и проблему образования мы либо рассматриваем в контексте диалога культур, либо вообще не обсуждаем.

Я хочу предостеречь участников от увлечения своими любимыми предметами и призываю поговорить на общую тему, поскольку нам важно, чтобы каждый раз от Чтений к Читаниям представители разных областей научного знания вносили определенный вклад в развитие общей проблематики. То, о чем я сейчас говорю, это не проблема отдельных участников научного процесса, а проблема отечественной и мировой науки вообще. Когда я написал очередную книгу о Дмитрии Лихачеве, там было предисловие одного из крупнейших историков Древней Руси академика Янина, который отметил, что последние энциклопедисты в науке умерли более 150 лет назад. Лихачев одним из первых ученых почувствовал необходимость возврата к энциклопедизму, потому что наука постепенно переходила к изучению все более и более частных вещей, и эти частные явления, утрачивая общую связь с изучением культуры, научным осмыслением всего, что происходит, становились более ущербными. Поэтому, на мой взгляд, сегодня каждый ученый должен предмет своих исследований пытаться внедрить в контекст широкого знания, общенаучной картины мира, которая, как

известно, в общем виде складывается из двух составляющих — естественно-научной и общегуманитарной. Для исследования специальных проблем в каждой науке существуют мощнейшие институты Российской академии наук. Возьмите любую частную проблему в науке — и сразу в Академии наук можно найти тех, кто этот вопрос исследует. Миссия университетов — дополнить институты Академии наук и вернуться к своей изначальной функции — формированию интегрального знания. Конечно, это особенно важно для студентов, потому что было бы странно, если бы студенты владели современным универсальным знанием, а педагоги, профессора теряли эту связь. Каждый из нас, и я в том числе, ощущает эту проблему на себе. Афоризм Козьмы Пруткова «Специалист подобен флюсу», конечно, шутка, но я сразу примеряю это на себя и думаю о том, что, наверное, какие-то пласты упущены и мои исследования надо вставить в общий контекст широких исследовательских парадигм.

В конце своего выступления еще раз прошу авторов обратить внимание на мой призыв: мы проводим Лихачевские чтения каждый год, и хочется, чтобы у нас была четкая магистральная линия и мы с вами еще не раз встретились в этой аудитории. Спасибо.

Е. И. МАКАРОВ: — Итак, начинаем работу второй секции. Слово предоставляется академику Михаилу Константиновичу Горшкову.

М. К. ГОРШКОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги. Благодарю руководство Университета и широкую питерскую общественность за ежегодное проведение мероприятий подобного формата, что особенно важно и актуально в этом году, поскольку 2014 год, как вы знаете, объявлен в России Годом культуры. Это не значит, что мы провели мероприятие и забыли о самом явлении культуры. Нет, конечно же, но дополнительный импульс такие чтения, безусловно, придают. Неслучайно и в печати начинаются широкие общественные обсуждения «Основ государственной политики в области культуры», предлагается новый проект. Документ, на мой взгляд, даже в виде проекта получился немного неузкий, поэтому вызвал массу критических откликов. Постарайтесь его найти в Интернете, полюбите, почитайте, достаточно интересное чтение, если очень коротко и не по-научному выразиться — яркий пример смысловой эклектики, попытка соединить ужа с ежом. Поэтому, я думаю, вряд ли он трансформируется в серьезный, солидный государственный документ, он даже до Государственной Думы в таком виде дойти не сможет, не говоря уже о том, чтобы быть подписанным президентом. Естественно, возникает вопрос: а как выйти из этого положения, потому что культура — это явление, о котором рассуждает каждый из нас и каждый имеет свою позицию? В этом смысле угодить всем вкусам и направлениям культуры сложно, однако «схватить» в этом документе базовые, ключевые ценностно-смысловые парадигмы нашего бытия, на-

верное, можно и нужно, иначе зачем тогда его называть «Основами государственной политики в области культуры». Поэтому, на мой взгляд, политикам, специалистам, а также широкой творческой общественности, представляющей разные социальные и профессиональные группы населения, стоит приложить общие усилия, чтобы создать этот документ, иначе он просто не получится и будет написана очередная бесполезная бумажка.

Так что рекомендации и итоги работы наших Лихачевских чтений в этом году приобретают особый смысл. В частности, в Министерстве культуры ждут наших рекомендаций, с тем чтобы опереться на них и на серьезном интеллектуальном уровне противостоять, мягко выражаясь, не очень зрелым позициям, которые отразились в проекте этого документа. Это первое, что я хотел бы отметить.

Несколько слов о названии нашей секции. «Диалог и конфликты культур в эпоху глобализации» — в политическом контексте так вопрос ставить можно и нужно. С точки зрения, скажем так, проверки на философскую составляющую при попытке оценить смысл ключевого элемента в названии нашей секции тут есть о чем дискутировать. И мне хотелось бы, чтобы участники, которые будут выступать на секции, обратили на это внимание. Что я имею в виду? Ведь культура как общественное явление по природе своей неконфликтна, но диалогична — на это стоит обратить особое внимание. Потому что существует разнообразие культур, но это не культура с культурой борются на самом деле, а культура и невежество — иные плоскости противостояния. Борются культура и политика, ибо суть культуры как таковой — в освоении, понимании смыслоценностной парадигмы существования и бытия человека. Это некий стержень, вокруг которого все сообразуется в течение жизни. В этом смысл самой культуры. Но одни люди понимают это развитие, самокультуривание одним образом, через одну концепцию жизненной стратегии, другие — через другую, первые опираются на одни традиции и обычаи, вторые — на другие. В этом нет никакой катастрофы или трагедии, изначально здесь не заложен конфликт. Но в реальной жизни мы имеем дело с конфликтами, следовательно, кто-то привносит их в явления культуры. Поэтому следует разобраться, как и кто, с помощью каких механизмов заставляет культуры работать на площадке конфликта, — это совсем иной ракурс размышлений. Интересно услышать мнения и позиции наших дискурсантов на этот счет, потому что многое, что должно быть заложено в культурную политику современной России, основано на понимании именно этого вопроса. Как нужно вести себя в сфере культуры, чтобы поддерживать доминанту диалога и максимально снижать планку конфликтов? Здесь, конечно, не обойтись без обсуждения воздействия политического фактора, потому что политика, образно говоря, всегда «заигрывала» с культурой, понимая, что именно здесь заложен основной социальный ресурс саморазвития человека, общества и человечества в целом и его можно так или иначе использовать.

Еще одна сопутствующая тема для разговора: какова роль политики в усилении конфликтующей стороны в диалоге культур, когда взаимопонимание только налаживается и вдруг кому-то это становится неинтересно, кому-то — невыгодно, а кому-то, так сказать, поперек души, кто-то начинает завидовать, что один тип культуры стал «обгонять» другой. И начинается цепочка взаимодействий уже посредством конфликта.

Это только часть вопросов, которые вытекают из названия нашей секции. Не хочу обижать другие секции, но я считаю, что это одна из наиболее интересных и творческих площадок на Лихачевских чтениях. Поэтому с удовольствием ожидаю выступлений наших дискурсантов.

Е. И. МАКАРОВ: — По-моему, хорошее начало Вы положили нашей дискуссии. Если можно, я на правах ведущегоотреагирую на некоторые мысли, которые Вы высказали. Есть вещи, на которые надо, на мой взгляд, посмотреть несколько под другим углом зрения. К примеру, возьмем такую сферу культуры и отношений, как социально-трудовые отношения. Можно выделить несколько периодов их развития и в царское время, и в советское, и в наши дни. Каждому периоду был присущ определенный культурный диапазон. Но сегодняшний день приблизительно одинаково эта сфера выглядит во всем мире. Тем не менее теоретики в сфере конфликтологии говорят о том, что состояние конфликта в сфере социально-трудовых отношений детерминировано, то есть, по определению, стороны всегда находятся в состоянии конфликта. Единственная проблема в том, что в некоторых случаях это выходит на слишком острые социально значимые политические плоскости. И происходит взрыв такой энергии, которая выплескивается в том числе в большие, крупные политические события. Хочу подчеркнуть: изначально в любой культуре и отношениях заложен не очень явный, но очевидный потенциал будущего конфликта. Это ремарка по поводу того, что культуры не конфликтуют, а находятся в постоянном диалоге. Безусловно, для сосуществования стороны социально-трудовых отношений должны находиться в диалоге — без этого не удастся достигнуть главной цели их существования.

Я предоставляю слово нашей коллеге из Ярославля — профессору Людмиле Григорьевне Титовой.

Л. Г. ТИТОВА: — Уважаемые коллеги, я хочу поделиться некоторыми соображениями по поводу вчерашних выступлений. Очень интересная программа — большое разнообразие идей, мнений, огромное количество предложений. Но все они фокусируются на одном главном вопросе: возможен ли сегодня диалог культур? И, если он возможен, вопрос второй: на каких основаниях? Ну и, конечно, здесь возникнут другие сопутствующие вопросы, например: каково влияние на эти процессы внешних факторов? Как и многие здесь, я думаю, что сама по себе культура — это уязвимое явление. Как только возникает какой-либо кризис, человечество отбрасывается назад,

в пещеру, потому что культура — это такой «хитиновый покров», который слетает с человека очень быстро, к сожалению. Однако в то же время это очень устойчивое явление, потому что культура содержит в себе некие коды, которые существуют у каждой нации, у каждого народа и позволяют ему сохраняться на протяжении истории.

Я предлагаю четыре тезиса, которые, как мне кажется, в какой-то степени отвечают на поставленные вопросы. Первое — диалог культур. Конечно, на культуру оказывают влияние и экономические, и политические факторы. Но все конфликтологи знают, что диалог — это процесс, процедура. В известной работе «Диалог коммуникаций» есть замечание: чтобы понять конфликтующих, нужно знать историю вопроса. То есть нужно изучить, проследить, как стороны пришли к конфликту, и это очень длительный процесс. Возникает вопрос: в условиях глобализации успевают ли культуры диалогизировать в этом стремительном потоке? Если вспомнить образ маятника общества, то в условиях глобализации мы увидим стремительно раскачивающееся и приобретающее характер крайней неустойчивости общество. Темп возрастает, а возможности остановиться и оглянуться нет. Времени становится все меньше и меньше, пространство, в том числе временное пространство диалога, сегодня смыкается, сужается, и каждой из сторон нужно осознать, что же, собственно, является главным в их диалоге или как организовать этот диалог. Чтобы это сделать, нужно осознание процесса. Это первый посыл, который я предлагаю вашему вниманию, — осознание, обдумывание и понимание. Диалог культур — это прежде всего умение понять и услышать друг друга. И, очевидно, диалог культур — это, как говорили вчера коллеги, организация некоего баланса ценностей. В результате возникает вопрос: на чем основывается понимание, баланс ценностей и как услышать друг друга?

Второй тезис, который, как мне кажется, здесь очень важен, — что именно нужно понимать? Я думаю, прежде всего надо понимать ценности, которые лежат в основе каждой культуры. Хочу привести два примера понимания и осознания. В качестве первого рассмотрим вопрос о диалоге между властью — политической — и обществом. Власть — это ценность, потому что она организует общество, общество — это ценность, потому что оно производит основные материальные и духовные блага. Власть ничего не производит, но она способна организовать процесс. Общество производит, но оно пока еще не способно, будем прямо говорить, организовать процесс. Значит, существует ценность каждого компонента. Но важно понять, что ценны оба, и в этом понимании может родиться диалог власти и общества. Пример второй — события в Одессе, за которыми мы все с ужасом наблюдали. Что это такое? В первую очередь это отражение того, что отсутствует ценность человеческой жизни. То есть у тех людей, которые столкнулись на поле битвы, нет ценности человеческой жизни. Вывод из этих двух примеров: в первом случае диалог возможен, потому что существует понимание ценностей, во втором случае — нет.

Многим известно выражение «Сон разума рождает чудовищ», то есть если такого понимания в ходе диалога невозможно достичь, значит, мы получаем «чудовищ» современных социальных процессов.

Тезис третий — Россия в диалоге культур. Россия вошла в глобализующееся общество, которое, как я уже сказала, в стремительном темпе двигается вперед. Что сегодня является проблемами такого развития? Их было названо уже очень много, но есть еще несколько, которые мне хотелось бы обозначить. Во-первых, это ситуативность, во-вторых — совместительство. Что я имею в виду? Политик действует по ситуации, он вынужден считаться с правилами игры, это одна из составляющих его деятельности. Однако современные политики не считаются ни с чем, кроме правил собственной игры. Это ситуативность диалога, ситуативность конфликтности и то, что затрудняет диалог. Второе — совместительство. Вообще, я думаю, вся русская история — это история с приставкой «со»: совместно, со-борно, со-чувственно и т. д. Это то, что уже сделало Россию страной диалога культур, потому что в России всегда были разные конфессии и этногруппы и они научились жить вместе. Разве Россия не может служить для мирового сообщества примером такой совместимости, этого уже существовавшего в нашей истории диалога культур?

И последний, четвертый тезис — как строить диалог культур в самой России? Потому что у нашей страны, несмотря на богатый опыт, тоже есть проблемы. Возможно, вам покажется несколько односторонним такое мнение, но, я полагаю, сегодня решающую роль играют не политики, а образование. Объективно главная задача сегодня стоит перед тем, что отодвигается на второй план. Сегодня, в этом стремительном полете времени, событий и деяний людей, человек остается существом сознательным и действующим. Но когда сознание молчит, новации, рождение нового все равно будут происходить, значит, человека подталкивают к деятельности. У нас сегодня самое главное слово — «активность», человек должен быть активен. Школа настроена на активность, весь процесс образования — на как можно большее получение информации, умений, знаний, компетенций за небольшой промежуток времени. ЕГЭ — это то же самое ориентирование на быстрое решение проблемы. То есть человек сегодня не сам формирует сознание, а его подстрекают к деятельности. Мне кажется, это основная проблема нашего образования. Вчера в выступлении одного из наших коллег промелькнула, на мой взгляд, очень опасная идея — о воздействии на бессознательное. Давайте вспомним, что такие печальные попытки в истории человечества уже были. Если сегодня ребенок не научится мыслить сам, если не будет проявлять самосознания, самопознания, самодеятельности, эти потребности будут реализованы обществом в создании все новых и новых активизирующих технологий, которые делают человека видимым, активным, но немслящим — вот в чем вопрос. Поэтому технологии, особенно воздействующие на сознание и бессознательное, — это очень опасная вещь в образовательном процессе в том случае, если

не будет включен процесс формирования сознания, который требует времени. Это очень важно.

И еще несколько слов об учебных дисциплинах. Сегодня, наверное, главный акцент надо делать на истории. Можно написать сколько угодно учебников, но в них должна быть идея — всю историю творим мы, люди, в соответствии со своей деятельностью. И вторая необходимая дисциплина — это философия, потому что она учит смыслам.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю на трибуну профессора Надежду Гегамовну Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Я хочу соотнести свои замечания с тем, что сказал Михаил Константинович, обозначив проблему для обсуждения. Первое, что хотелось бы отметить: я согласна с самой постановкой проблемы, однако совершенно не могу согласиться с такой формулировкой, как «политика и культура». Здесь нет никакого «и» — политика включена в культуру, какая культура, такая и политика.

Ни экономикой, ни политикой, ни что бы то ни было нельзя вычленишь из поля культуры, мне кажется, это неправильно, потому что тогда мы вряд ли сможем конструктивно понимать и тем более решать те вопросы и вызовы, которые перед нами ставит сегодняшняя жизнь.

Сейчас очень много говорят о войне. Конечно, ситуация на Украине, наша политика по отношению к ней и вообще вся сложившаяся мировая ситуация показывают, какая тонкая материя — диалог, как долго нужно работать, чтобы чего-нибудь добиться, и как легко все разрушить. Не знаю, сколько лет теперь понадобится для того, чтобы между людьми, которые оказались по разные стороны баррикад (я сейчас не говорю о высокой политике), восстановилось хотя бы минимальное взаимопонимание. Причем я хочу заметить, что это не только люди, живущие в разных странах, — наверное, сегодня самое страшное. И я хочу обратить внимание, в первую очередь студентов, на то, что вообще изменились принципиальные типы войны. Сегодня говорят о так называемой преземптивной войне, которая ведется в три этапа. Первый этап состоит в смене недемократического с точки зрения американской модели демократии режима. Это разработанная США в 2006 году стратегия, когда под лозунгом «Права человека важнее прав народа» происходит свержение «недемократического» правительства. Второй этап называется строительством нации, когда происходит переидентификация культурно-цивилизационной сущности народа под лозунгом «Универсальные ценности важнее, чем традиционные» (в целом я за универсальные ценности, но это очень непростой вопрос). Фактически это перезаселение при сохранении прежних имен, то есть люди называются по-прежнему, но это уже другие люди. И третий этап — восстановление страны, проходящее как ее реформирование. Такое реформирование позволит раз и навсегда закрепить за соответствующими финансовыми группами территорию и ресурсы. И если прежде целями военной операции были, как все знают, почта, мосты,

телефон, телеграф, то теперь главным объектом стали властвующие элиты. Элита сделает то, что никакая военная сила сделать не сможет.

Хочу напомнить идею Валлерстайна о том, что современный кризис превращает мир в нечто иное. Что такое «нечто иное»? Отношения между странами приобретают более или менее условный характер, потому что это отношения не между странами, а между властвующими элитами. То есть отношения формируются над нашими головами. При этом интересы нации подчинены интересам элиты, и все это доведено до совершенства с помощью риторики и манипулирования.

Я, когда работаю со своими студентами, пытаюсь сформировать у них интеллектуальные фильтры, надеюсь, что в вашем Университете лучшие преподаватели тоже это делают. В целом, конечно, это очень грустная история, особенно для тех, кто занимается культурой и диалогом культур, потому что мы видим, что получается.

Известно, что Карл Густав Юнг создал концепцию архетипического. Для чего? Для манипулирования массовым сознанием? А для чего Кассирер открыл секреты «символической Вселенной»? Тоже для манипулирования сознанием? Йохан Хейзинга описывал мировую концепцию культуры — чтобы вовлекать массы в политические игры по заданным правилам? Зачем Юрий Михайлович Лотман расшифровывал тайны языка искусства? И так далее. Сама ситуация в высшей школе сегодня, в первую очередь я имею в виду ситуацию с гуманитарными дисциплинами во внепрофильных вузах, такова, что невольно от студентов «отжимается» то великое культурное наследие, которое позволяет формировать эти фильтры.

М. К. ГОРШКОВ: — Мы, по-моему, очень плавно переходим к продуктивной и интересной дискуссии. Хорошо, что первые докладчики выступают с некими заявлениями спорного, дискуссионного характера. Я поддерживаю постановку вопроса профессором Титовой о том, что одно из характерных качеств культуры — устойчивость, без которой, наверное, мало о чем можно было бы сегодня говорить с точки зрения преемственности вообще культурного бытия, различных фаз развития человека и человечества. И в этом смысле ядром является система ценностных ориентаций, традиционалистское сознание, которое придает культуре устойчивость. Как бы мы с вами ни относились к этому понятию, оно есть. И, кстати говоря, на примере России мы видим, насколько устойчивый характер оно имеет.

Приведу небольшой пример: в наших общероссийских исследованиях мы ежегодно повторяем блоки вопросов на измерение соотношения традиционного и модернистского сознания, традиционного и инновационного мышления. Удивительная картина складывается. Сколько лет нашим реформам? Уже больше 20. Как вы думаете, каково соотношение в нашем обществе носителей традиционалистского и модернистского сознания? 2/3 к 1/3, то есть 2/3 — это носители традиционалистского сознания, 1/3 —

модернистского. Рассмотрим молодежь до 30 лет. Как вы думаете, каково здесь соотношение?

Е. И. МАКАРОВ: — 95 к 5.

М. К. ГОРШКОВ: — Евгений Иванович, даже в молодежной среде не все так просто. Через колено ничего не ломается, и уж тем более глупо выглядит заявление Чубайса в начале 1990-х: «Мы начинаем формировать поколения новой российской молодежи с чистого листа». Во-первых, формировать новые поколения с чистого листа невозможно физически, тем более в плане преемственности поколений. Но даже на 22–23-м году реформ соотношение сегодня 50 на 50. И причем если вы скажете, что какие-то 50 принадлежат к определенной социально-профессиональной прослойке, вы обидите всех молодых предпринимателей, и молодую инженерно-техническую интеллигенцию, и рабочих, и фермеров — сторонников и носителей и того, и другого сознания. Вот какие мы интересные и сложные.

Что касается профессора Багдасарьян, я, наверное, не очень четко выразился, говоря о культуре и политике, — речь не идет о том, что кто-то кого-то поглощает и кто-то на кого-то не обращает внимания. Я хочу сказать, что можно сопоставлять явления и институты в разных контекстах: скажем, по линии «сущность и сущность» — это один фактор, или по линии «сущность и функциональная активность от другой сущности». То есть политика в разных своих вариантах воздействует на культуру. То, что политика имманентна культуре и любому другому общественному явлению и институту, понятно. Есть даже понятия «культурная политика», «экономическая политика», «международная политика». Речь идет о том, что политика всегда будет влиять на механизмы в различных сферах. Но я говорил о другом — как политика из культуры делает некультуру. Это особенно актуально в последнее время, на фоне киевских событий, того, что произошло в Одессе. Есть люди, а есть нелюди. Есть культура, и есть некультура. И политика, к сожалению, причастна к тому, что она делает из культуры бескультуры.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Анатолию Васильевичу Дмитриеву.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Коллеги и студенты, мы давно общаемся, изучая конфликты. И вы, наверное, заметили, вчера на пленарном заседании почти все докладчики делали конфликтологические ошибки. В чем они заключались? Назову, чтобы вы их не повторяли. Первая ошибка: практически все говорили об отрицательном эффекте, осуждая конфликты. Это происходило не напрямую, но в основном все говорили, что война и конфликты — это плохо и т. д. Но мы с вами прекрасно знаем, что конфликт — амбивалентное явление, развитие происходит именно через конфликт, а не через стабильность, застой и пр. Вторая ошибка: многие путают понятия. Часто напряженность, вообще любое разногласие в культуре почему-то считают конфлик-

том. Но это не конфликт. Конфликт возникает, когда есть действия с одной стороны и ответные действия — с другой, то есть деятельностный подход.

Скажу несколько слов о своем докладе «Стереотип «свой–чужой» в культурном взаимодействии резидентов и мигрантов». Стереотип — это устойчивый и достаточно упрощенный образ объекта. При столкновении цивилизаций, при разломах цивилизаций всегда действуют стереотипы. Стереотипы в широком смысле всегда социальные, как правило, они формируются в группах: «Мы хорошие, у нас свои положительные черты, а они — другие, нейтральные либо отрицательные». Эти стереотипы можно рассматривать в конфликтных ситуациях, поскольку они несут конфликтный потенциал, либо с позитивной стороны. Чаще всего журналисты, конфликтологи, политологи рассматривают, естественно, конфликтный вариант, осуждая стереотипы. К примеру, такие стереотипы действуют в культурном взаимодействии мигрантов и местного населения. Демографы говорят: «У нас демографические ямы, нам нужно больше мигрантов» и т. д. И чаще всего осуждают стереотипы, которые сложились у местного населения по отношению к мигрантам. Но стереотипы очень конфликты. В то же время мы должны иметь в виду, что любой стереотип — это опыт предшествующих поколений, и его ни в коем случае нельзя отбрасывать. Другой вопрос — как быть с проявлениями агрессии? Это первое, что я хотел бы отметить.

Второе. С гордостью скажу, что практически никто не занимается (я один из первых) изучением стереотипов мигрантов по отношению к местному населению. Надо понимать, что чем больше у местного населения стереотипов по отношению к мигрантам, тем сильнее проявляются их стереотипы в отношении местного населения и тем более агрессивный характер они носят.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется Максиму Анатольевичу Мануильскому.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ¹: — Уважаемые коллеги, свое выступление посвящу пограничной ситуации — этноконфессиональной обстановке в Черноземье. Речь идет о ситуации взаимодействия культур, их взаимоотношении. Я опираюсь на результаты исследования, проведенного в пограничных регионах с Украиной — в Белгородской, Курской и Липецкой областях — еще до событий на Украине. Исследование показало довольно устойчивое и стабильное межкультурное взаимодействие внутри данных регионов. Правда, эти регионы являются в значительной степени мононациональными, там примерно 93–95 % русских. Но на самом деле это не совсем так, потому что, по последним данным Миграционной службы, в России 1,5–2 млн украинцев, но официально зарегистрировано только 200 тыс. Сейчас

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек», заместитель главного редактора «Социологического журнала», старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Энциклопедические контуры человека», «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Комплексное познание человека в единстве социальных и биологических качеств» и др.

ситуация усложнилась, потому что возрастает число мигрантов из Украины по политическим мотивам.

Мои знакомые в Белгородском университете проводили исследования, и они привели один пример. Молодой человек, музыкант, по национальности русский, сочинил композицию «Единая Украина» и выставил ее на YouTube. Композиция никаких прорусских настроений не несет, а просто призывает к миру между народами, в общем — пацифистская. Его «вычислили» радикалы и велели в 24 часа убраться из Донецка. Он уехал, потому что реально испугался. И количество подобных мигрантов возрастает, а поскольку на работу трудно устроиться, они срываются просто в «бездну».

Здесь много говорилось о культуре, взаимодействии, диалоге культур, в данном случае мое исследование посвящено этноконфессиональным регулятивным и конфессионально-религиозным установкам. Театры, кино, книги, в том числе священные тексты, — это все институциональное взаимодействие культур, а регулятивы — это те поведенческие механизмы, которые действуют на реальном повседневном уровне.

Возвращаюсь к результатам исследований: в принципе примерно 80 или 90 % респондентов не придают особого значения конфессиональным и этническим различиям. Но, во-первых, надо учитывать, что это декларативный уровень, во-вторых, в опросах в основном принимали участие чиновники, учителя, преподаватели и работники больших, серьезных частных и государственных предприятий. На этом уровне сейчас все больше проявляется влияние корпоративной этики, которая не поощряет проявлений конфессиональных установок, потребностей и интересов, хотя специально ни в одном профессиональном кодексе это не оговаривается. Однако корпоративный дух типа «Все, что хорошо для Америки, хорошо для “Дженерал Моторс”» всегда присутствует — никакой лирики, только бизнес.

Однако на самом деле конфессиональные различия и установки не менее значимы, чем этнические. Этничность — более глубокий пласт культуры, и он в некоторых отношениях если не поглощает, то предопределяет и религиозный фактор.

Приведу еще некоторые интересные данные. Например, мы задавали вопрос: «Влияет ли религиозность на отношение к труду?». То, что положительно влияет, считают только 8 %, то есть в принципе это мало значимый фактор. «Считаете ли Вы, что Ваша нация лучше других или у каждой нации есть свои, как положительные, так и отрицательные, черты?» Только 7 % (видимо, русские, потому что в основном русские участвовали в опросе) решили, что их нация лучше других, остальные считают, что у каждой нации есть свои и положительные черты, и «скелеты в шкафу». Далее — то, о чем говорил Михаил Константинович, — традиционалистское и модернистское сознание и прочее, — среди респондентов удивительно мало людей, которые себя считают атеистами, — всего 5 %. Этот факт лично меня поражает. Во-первых, потому что опрашивали в основном лиц с высшим образованием, а высшее образование обычно не располагает к религиозному рвению. Во-вторых, хотя сейчас религия поощряется государством, положительно воспринимается обществом,

конкретное, реальное религиозное поведение, по разным оценкам, наблюдается у 1–30 % населения — это те, кто не просто ходит на Пасху на кладбище, а хотя бы знает религиозную литературу.

Заключая свое выступление, еще раз хочу сказать, что в данный момент ситуация с конфессиональными установками и регулятивами в этих пограничных областях если не благостная, то в целом довольно спокойная. Но это сфера, в которой очень действительны латентные, внутренние ожидания, где все скрыто в глубине. И я, честно говоря, не решаюсь предсказать — то, что сейчас творится на Украине, сплотит население данных областей или же, наоборот, может усилить межнациональную и межконфессиональную напряженность? Склоняюсь к тому, что на данном этапе, когда большинство населения России сочувствует не только русским, а вообще всем, кто страдает от радикалов, проявлений фактов сплоченности будет больше.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо, Максим Анатольевич. В подтверждение Вашего тезиса я могу привести данные, касающиеся социально-трудовых конфликтов. Мы попытались выяснить, происходили ли в Российской Федерации социально-трудовые конфликты, в основе которых лежали бы этнические или конфессиональные причины, во второй половине 2012 — первой половине 2013 года. Ни одного конфликта такого характера обнаружено не было, что является подтверждением в том числе и результатов Ваших социологических исследований.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Я приехала из Минска и работаю в Москве заместителем председателя по вопросам культуры, педагогики и образования автономии «Белорусы России». Уважаемый Максим Анатольевич, я не совсем поняла одну формулировку: «Считаете ли Вы свою национальность выше и лучше других?»

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Вопрос был задан примерно так: «Считаете ли Вы, что Ваша национальность лучше других, или все национальности обладают своими хорошими и отрицательными чертами?»

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Как Вы думаете, такая формулировка, особенно первая ее часть, способна создать межэтнический конфликт или нет?

Е. И. МАКАРОВ: — Вы имеете в виду, не является ли постановка вопроса провокационной?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — В методическом отношении могу сказать, что специально я этим вопросом не занимался. Было несколько вариантов. Выяснилось, что на такую формулировку респонденты отвечают охотнее, то есть она им понятнее.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Кузнецовой Татьяне Викторовне.

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Я хочу коснуться нашей истории, нашего прошлого. Россия вступила в новый

век. Мы находимся на новом этапе своей истории. Сегодня происходят необыкновенно быстрые социальные изменения, экономические и политические сдвиги. Представляя общество эпохи постмодерна, я могу сказать, что процессы глобализации, трансформации затрагивают все сферы жизнедеятельности современного индивида — от экономики, политики до образования, религии, науки. Они влияют даже на стили моды, тренды, яркие бренды и т. д. Но мое выступление затрагивает категорию народного этноса, национальной культуры.

Происходит объединение или, я бы сказала, взаимодействие различных уровней восприятия, интерпретаций социальной реальности, рождающее разнообразные стили жизни. И в связи с этим особый интерес представляет такой феномен социокультурного пространства, как категория, или парадигма, народности, которая затрагивает всевозможные стили жизни.

Президент В. В. Путин призвал соблюдать наши национальные традиции, которыми так богата Россия. В сложившейся ситуации оказалось невозможным сформулировать ясный критерий народности применительно к творческой деятельности профессиональной интеллигенции. Какой вообще могла бы быть народность перестроившихся на рыночный успех литературы, изобразительного искусства, кинематографа — непонятно. Правда, есть историческая память, исторические формы народности, например народность Пушкина или передвижников. Остались также традиция народной культуры и осуществляемое в рамках этой традиции так называемое живое творчество. Благодаря нашей многовековой традиции преемственности народность бесспорно обладает достоинством и может быть выражена исключительно на языке культуры без каких-либо идеологических опосредований.

Но вопрос в том, нужна ли она в условиях наших глобальных ценностей? Есть ли для нее место в обществе, создаваемом исключительно под экономического человека с его специфическим экономическим рационализмом и эгоизмом? И дело не в том, какой из пластов традиционного народного искусства остается жить в репродуктивной форме. Я анализирую сегодняшнее народное творчество с точки зрения эстетической среды. Кафедра эстетики МГУ всегда воспитывала эстетические вкусы, эстетические идеалы, выразительностью и многообразием этой выразительности нельзя пренебрегать в современном мире и современной культуре.

Суть вопроса в данном случае не в самом по себе факте использования чужеродных по отношению к народно-фольклорной стихии элементов, а в отношении к ним, к формам их включения в рамки творческого процесса, осуществляемого по законам народного мирозерцания. Оттого, к примеру, что в частушке вдруг возникает пальто из журнала «Бурда Моден», а в сценарии фольклорного праздника наряду с матрешками и Петрушкой вдруг появляется кукла Барби с комично-выразительными осколочками английской речи, такие элементы вовсе не выпадают из рамок явления, которое Бахтин назвал народной смеховой культурой. Если, конечно, все сделано тактично, со вкусом и чувством меры собственных эстетических принципов.

Для этого хотелось бы вспомнить открытие зимней Олимпиады: как необыкновенно была представлена история российского народа, народная традиция. И мы очень гордились, появилось забытое слово «гордость» (как 1 Мая — «солидарность» — еще одно забытое слово). Мы в церемониях открытия и закрытия Олимпиады вспомнили историю с ее традициями — расписной игрушкой, пряниками и блинами. Масленица была представлена ярко: со скоморохами, разгулом и Китеж-градом, нашей столицей Москвой, градом Петра I и т. д.

Модная еще совсем недавно очередная идея тотальной унификации культурных ценностей по западному образцу в последнее время все чаще встречает реальное противодействие со стороны традиционалистских течений, которые укрепляются и расширяются в ряде регионов мира. Глобализация сверхкультуры, опирающаяся на линейную модель мирового цивилизационного процесса, столкнулась с усилением стремления к самобытности, с ростом самосознания наций и народов. Россия находится в процессе преодоления кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирования российской национальной идеи, поиска своего места в новом глобализирующемся мире. И эффективность этих поисков во многом определяется степенью научного осмысления мировых культурных трендов в свете специфики российской культуры.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо, Татьяна Викторовна. Слово предоставляется Светлане Валентиновне Снапковской.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Я хотела бы выразить большую признательность организаторам столь значительного культурного форума, на котором имею счастье присутствовать не первый раз. Хочу подчеркнуть, что научный уровень нашего диалога с каждым годом все выше. Тем приятнее мне вспомнить, как много лет назад, будучи еще студенткой филологического факультета Белорусского государственного университета, я была направлена на научную студенческую конференцию в Ленинградский государственный университет, где впервые увидела Дмитрия Сергеевича Лихачева.

У меня была возможность пообщаться с ним достаточно близко. Я занималась русско-белорусским билингвизмом, и Дмитрий Сергеевич нашел для меня, студентки II курса, время. «Светлана, — сказал он, — у Вас очень перспективная тема. Вы еще узнаете, что формирование культурного диалога необычайно важно для нас, особенно для белорусов и русских». Я запомнила эти слова на всю жизнь. Я занимаюсь научной деятельностью — проблемой белорусско-русского билингвизма, а теперь и польско-белорусского, поскольку наша страна имеет соответствующее геополитическое положение. И эта мысль Дмитрия Сергеевича Лихачева прошла красной нитью через все мои исследования и изыскания.

Действительно, геополитическое положение Белоруссии определило наше культурное состояние — это диалог между Западом и Востоком. Мы всегда

являлись своеобразным культурным мостом и всегда гордились этим. Дело в том, что Беларусь никогда не имела ярко выраженного национального и государственного характера, потому что мы входили в состав разных государственных формирований, в том числе в Великое княжество Литовское. Государственным в нем был язык старорусский, или старославянский, как он назывался в конце XIII века. Расцвет нашей культуры начался именно в XVI веке, когда у нас появился восточнославянский первопечатник Скорина из белорусского Полоцка, который перевел 23 книги Библии на старорусский язык. Вот тогда и стал активно развиваться этот межкультурный диалог. Следующий белорус из Полоцка, Симеон Полоцкий, был приглашен в Москву для воспитания царских детей, для создания и развития литературы и многого другого. Мы этим очень гордимся.

Также мы гордимся тем, что российские ученые в прошлом году издали великолепную книгу «Белорусы Москвы. XVII век», в которой приведены исчерпывающие документы, подтверждающие, что белорусы из Витебской, Виленской, Минской и других губерний строили Кремль. Нам это очень приятно. Мы понимаем, каков наш вклад в развитие российской культуры, и одновременно осознаем, как российская культура в разные периоды благотворно, животворно действовала на развитие нашей культуры.

Мы всегда находимся в состоянии межкультурного диалога. Известный польско-белорусский поэт XIX века Адам Мицкевич, как и многие другие деятели культуры, науки и образования, принадлежит полякам точно так же, как белорусам. Мы их не делим, а считаем, что они внесли огромный вклад в развитие не только русской, польской, белорусской культур, но и мировой культуры в целом.

Исходя из того, что мы прослушали на пленарном заседании, я хотела бы подчеркнуть, что создание множества программ, документов, проектов очень важно, но не менее важно изучать историю и ментальность нашей культуры. Никакая программа, никакой проект не могут быть успешно осуществлены, если мы не будем знать язык изучаемой страны, традиции и некоторые культурные нюансы.

Еще один момент, на котором я хотела бы остановиться, — распад Советского Союза. Все, что происходит сейчас, — рецидив этой страшной трагедии. Кто-то из российских политиков сказал, что это оптимистическая трагедия. Я абсолютно не согласна с этим. Год назад в этом зале кто-то из преподавателей Университета профсоюзов подчеркнул: «Когда-то наши студенты хорошо знали, кто такой Тарас Шевченко и каково его культурное наследие, кто такой Иван Франко, Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович. Сейчас они этого не знают».

Результаты последних социологических исследований меня очень огорчили. Только 14 % белорусов проявили интерес к культуре и образованию различных народов СНГ. У россиян такой интерес не превышает 11 %, на Украине — 8 %, в Грузии — 3 %, и только в Молдавии, Таджикистане, Узбекистане этот процент зашкаливает.

Проблемы диалога культур необходимо изучать во взаимодействии не только внешних, но и внутренних факторов, лишь тогда мы сможем говорить о конкретных результатах.

А. Н. МОСЕЙКО: — Вы в своем выступлении затронули историю диалога между Россией и Беларуссией. Осуществляется ли диалог в настоящее время, и насколько он продуктивен?

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Очень важный вопрос. Я не могу сказать, что этот диалог продуктивен на всех этапах, я не столь оптимистична, но динамика этого диалога положительна. Мне кажется, что проникновение в ментальность наших народов, изучение этой ментальности, глубинных основ истории, того вклада, который вносили наши народы в развитие общей культуры, в том числе и советской, будет залогом продуктивного диалога не только Белоруссии и России, но и Украины, и других бывших республик Советского Союза.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется доценту, кандидату культурологии Юрию Александровичу Запесоцкому.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Кандидатскую диссертацию я защищал по теме влияния брендов на культуру, изучал, насколько серьезное влияние оказали бренды на российскую культуру начиная с 1990-х годов. В рамках своей практической деятельности я занимаюсь тем, что повышаю эффективность различных организаций, как коммерческих, так и некоммерческих, при помощи средств брендинга. И я считаю, что эта технология, это направление имеет полное право быть обсуждаемо вместе со столь значимым явлением, как культура в целом.

Сегодня уже прозвучало предложение обратить внимание на тему нашей секции — «Диалог и конфликты культур в эпоху глобализации». Я подумал о том, что если бы заседание этой секции проходило где-то в другой части света, то наверняка она называлась бы совершенно по-другому. Вот один из вариантов: «Глубинные духовные противоречия культур в эпоху глобализации». Или другой вариант, на котором я хотел бы сконцентрироваться: «Конкуренция культур в эпоху глобализации».

Сегодня было сказано о том, что культуры стараются налаживать между собой отношения и уходить от конфликтов. А с чего мы вообще взяли, что представители других культур относятся к этому вопросу так же, как мы? По моему мнению, в существующем биполярном мире есть только одно государство, которое строит всю свою деятельность с самого начала по правилам той самой технологии брендинга, о которой я говорил. Это Соединенные Штаты Америки. На мой взгляд, с позиции США культура — это некая база не только для формирования ценностей, существования и развития человечества, но и для осуществления конкуренции как основы демократического общества Соединенных Штатов Америки. И у меня в голове все

время крутится кадр из фильма (по-моему, он называется «Марс атакует»), когда зеленые человечки с пистолетами нападают на людей, а люди их уговаривают: «Не стреляйте в нас, мы ваши друзья, не стреляйте!». Этот юмористический фильм наводит на серьезные размышления.

Моя жена занимается режиссурой, постановкой танца с элементами драматического театра. И я часто ее спрашиваю: «Марина, почему так мало людей о тебе знают?». На что она мне говорит: «Неужели ты не понимаешь? Я занимаюсь искусством, ко мне приходит вдохновение, я делаю спектакль, постановку, я ее показываю. Да, его приходят посмотреть 50–70 человек. Что ты хочешь? Чтобы я занималась продвижением этого дела? А в этот момент выходит четко структурированный, хорошо профинансированный, понятный, привлекательный мюзикл, завоевывает массовое сознание, оказывается заметным, популярным, успешным, и говорят именно о нем».

Хорошо это или плохо? Я не даю оценочных суждений. Но я хотел бы, чтобы по всему миру была открыта, допустим, сеть блинных ресторанов. Чтобы люди пили квас и тем самым утоляли жажду, а не создавали свой имидж, чтобы в банках хранили рубли, а не валюту, чтобы танцевали «казачок» или другие наши народные танцы, чтобы дети играли с матрешками. Это мое желание, я имею право двигаться в этом направлении и поэтому считаю, что данная тема очень актуальна.

Все начинается с идеи. Если бы я спросил каждого из вас: «А как, на ваш взгляд, звучит идея нашей страны? И есть ли она в принципе?», многие смогли бы ее сформулировать. Но проблема в том, что эта идея звучала бы очень по-разному. Сейчас я кратко процитирую победную речь Барака Обамы на выборах 2012 года: «Все движется благодаря вам. Не важно, откуда вы приехали и как выглядите: черные или белые, с испанским или азиатским происхождением, старые или молодые, богатые или бедные, инвалиды или без ограничений, традиционно ориентированные или нет. Вы сможете добиться своих целей здесь, в Америке, если будете стараться, работать и сражаться. Я верю, что мы добьемся этого будущего вместе».

В той или иной форме большинство американцев произнесут в качестве идеи их страны что-то очень похожее. Это такое место, куда можно приехать и добиться высоких результатов, если ты будешь стараться, — вот ключевая идея. Американская мечта — практикоориентированная, русская идея имеет очень узкое, теоретическое, гуманитарное направление. Есть такая притча. Трое мужчин таскают на тележках камни. Каждого из них спрашивают: «Что ты делаешь?». Один говорит: «Я таскаю камни», другой: «Я зарабатываю деньги», третий отвечает: «Я строю храм». Мне кажется, в России все ориентировано на высокую культуру, на строительство храма. При этом так называемая массовая культура забывается как нечто второстепенное. Почему-то предполагается, что она должна формироваться стихийно, сама по себе. Но она даже на территории нашей страны формируется фактически без нашего участия. И, судя по всему, этот аспект надо пересматривать.

— *Спасибо за интересное выступление. У меня родилась та же мысль: что же нужно сделать, чтобы пили квас, а не «кока-колу», смотрели мультфильм про Чебурашку и крокодила Гену, а не Чипа и Дейла, носили брюки, а не джинсы?* (вопрос из зала)

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, мне приятно, что этот вопрос прозвучал. Я считаю, что нужно пользоваться существующими в мире и работающими технологиями, даже если они созданы не нами. Так делаем, допустим, в Китае, и весьма успешно, с каждым годом показывают все большую результативность. Поэтому, на мой взгляд, нужно пользоваться теми же технологиями, в частности, создания брендов, но при этом внимательно смотреть на то, в чем сильны мы и в каких элементах нашей культуры есть большой потенциал вовне. Я могу это назвать неким маркетинговым анализом, после которого нужно сделать определенные выводы и двигаться по определенному пути, не уходя с этой дороги в сторону от намеченной позиции.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Аида Николаевна Мосейко, прошу Вас.

А. Н. МОСЕЙКО: — Уважаемые друзья! Я работаю в Центре цивилизационных исследований, поэтому многие вопросы будут связаны с моей профессиональной деятельностью. Начать я хотела бы со следующего вопроса: глобализация разделяет мир или объединяет? Вчера в одном из выступлений на пленарном заседании прозвучала мысль: мы живем в одной и той же культуре, глобализация — это одна и та же конвенционализирующая культура, конвенционализованные ценности, единые во всем мире. Да, действительно, мы живем в единой культуре, которая конвенционализована, но мы живем в разных цивилизациях. В России, кстати, множество культур: и культуры, и субкультуры, исламская и христианская, традиционная и модернизированная, молодежные субкультуры, которые включают множество разных вариантов, но это единая цивилизация. Очень много говорят о том, что старшее поколение живет при культуре традиционной, а молодежь — уже в совершенно новых условиях, имеет новые ценности. И между собой молодежь тоже различается.

Мы много говорим о диалоге, и некоторым диссонансом прозвучало обсуждение работы Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Он говорит о столкновениях, конфликте цивилизаций. Однако именно различия цивилизаций часто становятся болевыми точками. В моем докладе звучит главный вопрос: «При какой цивилизации мы сейчас живем? При российской? Или мы уже включились в западную цивилизацию?». Это различие цивилизаций наблюдается всюду и образует болевые точки.

Все, кто слушал выступления, очевидно, заметили, что в них часто поднимался вопрос о языке и речи. Г. Резник говорил о девальвации известных слов, таких как «демократия», «либерализм» и т. д. Специально этому вопросу посвятил свое выступление член-

корреспондент РАН В. Ф. Петренко, который говорил о смысловых полях и различных смыслах. В. Т. Третьяков говорил о том, что мы занимаемся самообманом, вводя такие выражения, как «дорожная карта». Эта болевая точка — русский язык и его изменение и искажение — мне кажется, заслуживает большего внимания на наших заседаниях.

Дело в том, что русский язык сейчас невероятно засорен, но не просто англицизмами, речь идет о явлении гораздо более сложном и опасном. Новые слова несут новые смыслы. Действительно, язык формирует картину мира, встроено в модель мира, наполняет смыслом наши понятия. Я приведу простые примеры. Вспомните русское слово «убийца», есть еще русское слово «душегуб». Киллер — это то же самое? Нет, киллер — это вполне профессиональное наименование. Есть фильмы, где киллеры вполне симпатичны, например Гуськов играет киллера, который является чистильщиком. Смысл меняется? Да, меняется.

Вспомните весьма популярную раньше песню «Путана». Кто такая путана? Все знают, это женщина легкого поведения, проститутка. А слово «путана» имеет другой смысл. Для молодежи, молодых девушек путана, может быть, — это и не так страшно, здесь другой смысл. Язык вносит иные цивилизационные смыслы, меняет известные слова и вводит новые. Что такое успех по-русски? Это прежде всего признание общества, успех всегда предполагает какое-то признание, оценку. А что такое успех в западной цивилизации? Это просто достижение определенной планки: богатства, карьеры и т. д. И таких слов я могу привести много.

Однажды в Подмоскowie я ехала в электричке и увидела из окна сплошные названия «плаза». Отель «Плаза», «Ереван-Плаза», «Бизнес-Плаза», и вдруг вижу маленькую будку, на которой написано: «Шаурма-Плаза» — мигрант тоже услышал красивое слово «плаза» и назвал так свой маленький бизнес, где он готовит шаурму. Это наша жизнь, это наша болевая точка.

Что такое дорожная карта? Почему в речах наших политических деятелей мы все время слышим «дорожная карта»? А в науке — когнитивные карты, ментальные карты. Почему не просто план? Почему нет русских аналогий? Почему мы не вводим русские аналогии? Почему с трибуны мы можем произнести слово «супер»? Почему мы говорим «имидж»? У нас есть прекрасные русские наименования.

Я африканист и много занимаюсь африканскими странами, в частности Мадагаскаром, я написала о нем книгу и шесть раз там была. Недавно мы праздновали 110-летие Малагасийской академии наук, это серьезная, ведущая организация в Африке. В этой Академии наук существует большой центр охраны малагасийского языка, один из ведущих. Вопрос о малагасийском языке стоял как один из вопросов борьбы с чуждой французской цивилизацией, которая навязывала свои смыслы и свой язык. В каждой газете обязательно есть сотрудник, который следит за чистотой малагасийского языка и высчитывает, сколько туда попало немалагасийских слов.

Почему маленькая страна Мадагаскар может этим заниматься, а мы не можем? Почему каждый из нас вместо слов «супер», или «имидж», или каких-либо еще не может подобрать русские? Это касается каждого из нас, но я думаю, что это дело государственное, дело нашей культуры, нашей науки, это вопрос, который давно пора поставить.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Я думаю, что же надо сделать, чтобы заимствований в нашем языке было как можно меньше. Ведь известно, что и в XIX веке, и в XVIII, когда открылось «окно в Европу», у нас было увлечение и иностранными словами (и французскими выражениями, и немецкими). Это дань моде, как Вы считаете?

А. Н. МОСЕЙКО: — Нет, я не считаю, что это просто мода, хотя элемент моды, конечно, есть. Всегда есть элемент подражательности и следование моде, есть и красивые слова, как «Шаурма-Плаза». Но я вижу здесь глубокую политику. Вчера А. А. Гусейнов в своем выступлении говорил о том, кто стоит за диалогом. Кто может стоять за диалогом? Высшие силы? Или, может быть, такой мудрец, как Конфуций? Пока нет силы, которая может решить, кто прав, а кто виноват, но есть силы, которые решают, как можно эти противоречия углубить, заострить, довести до конфликта.

Я хочу сказать, что внесение чуждых смыслов в нашу цивилизацию — это определенная политика, а не только мода. И этот вопрос гораздо глубже, чем просто выбор нужных выражений. Это вопрос цивилизационный. На Мадагаскаре он рассматривается как большая патриотическая работа, одна из государственных задач.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Борису Владимировичу Аксиомову.

Б. В. АКСИОМОВ: — Мое сообщение будет во многом перекликаться с некоторыми идеями, которые уже высказывались. Мои коллеги говорили о том, что в России много культур, много этносов, но одна цивилизация. Я хочу поговорить об идентичности.

Сегодня идентичность — такая же важная часть обеспечения национальной безопасности, как армия и военно-промышленный комплекс. Я хочу привести несколько примеров, показывающих важность общенациональной идентичности. Первый и, наверное, самый актуальный пример — это Украина. Сегодня мы увидели, что украинское общество буквально на наших глазах раскололось как минимум на две части, а скорее всего, на большее количество частей: Восток, Запад, Юг и пр. Почему? Потому что за 23 года независимости Украины так и не была сформирована общенациональная идентичность. Еще один пример — Каталония. 9 ноября 2014 года в Каталонии планируется референдум об отделении от Испании. Здесь тоже многое упирается в идентичность. Есть, конечно, политические и экономические проблемы, но идентичность тоже имеет значение. Еще один пример — Шотландия.

На 18 сентября запланирован референдум о выходе из состава Великобритании.

Эти примеры показывают нам, насколько важно формировать общероссийскую идентичность. Понимание того, что эта задача актуальна и ее необходимо выполнять, присутствует на самом высоком политическом уровне. В качестве примера приведу позицию Дмитрия Анатольевича Медведева в бытность его президентом (это было в 2010 г.). Он сказал о том, что необходимо создать новую российскую идентичность, иначе судьба нашей страны будет очень печальна, и с этим нельзя не согласиться. Возникает вопрос, о какой именно идентичности идет речь. Приведу данные исследований Института социологии РАН 2011 года. К 2011 году российская идентичность стала не только самой распространенной среди наиболее значимых, но и связь с ней стала наиболее глубокой. На мой взгляд, речь здесь идет прежде всего о гражданской идентичности. Еще в 2010 году, основываясь на многочисленных исследованиях, которые проводятся во всех регионах Российской Федерации, мы пришли к выводу, что проект по формированию гражданской идентичности в целом можно считать успешным.

Но почему гражданская идентичность в целом не может быть той искомой идентичностью, которая способна сплотить российскую нацию в единое целое? Дело в том, что гражданская идентичность — конечно, очень важная категория, но она все же формальна. По гражданской принадлежности мы, собственно, определяем, что у человека более или менее сформировалась гражданская идентичность. Слабость гражданской идентичности становится очевидной в тот момент, когда она входит в некое соприкосновение с этнической или конфессиональной идентичностью. Например, в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» отмечается слабая гражданская идентичность при все большей значимости этнической или религиозной самоидентификации. Еще один пример — Башкирия. Авторы исследования, проведенного там в 2012 году, пришли к выводу, что этническая идентификация в настоящее время преобладает над государственно-гражданской. Отсюда можно сделать вывод о том, что в портфеле идентичности современного россиянина этническая и гражданская идентичности выступают не как взаимодополняющие, а как конкурирующие, причем соотношение сил — в пользу этноконфессиональной идентичности.

Отсюда становится понятно, что необходим поиск некой новой парадигмы, потому что гражданская идентичность не способна сплотить нацию. Нужно искать новые пути, и этот поиск уже ведется. Сошлюсь на мнение нашей самой значимой политической фигуры — Владимира Владимировича Путина. Когда он был еще премьер-министром и баллотировался на пост Президента Российской Федерации, он опубликовал знаменитую статью «Россия: национальный вопрос». Акцент в ней делался уже на цивилизационную идентичность. В декабре 2012 года была принята «Страте-

гия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Однако там эта идея тоже представлена, на мой взгляд, недостаточно отчетливо.

Недавно я еще раз обратился к тексту «Стратегии» и выяснил, что слово «цивилизация» там вообще ни разу не употребляется. Есть такие понятия, как «диалог культур», «межцивилизационный диалог», «цивилизационный код», но слова «цивилизация» в понимании России как страны-цивилизации там нет. Поэтому в общем эта стратегия, на мой взгляд, направлена на консервацию или, точнее, на развитие гражданской идентичности, с одной стороны, и этнокультурного разнообразия — с другой.

По мысли авторов данного документа, сочетание гражданской идентичности и этнокультурного разнообразия должно привести к гармонизации межнациональных, межэтнических отношений. Однако этого не происходит. Наоборот: мы видим, что количество межнациональных и межконфессиональных конфликтов в России неуклонно возрастает. Кто-то говорит о стабилизации, однако реальный анализ показывает, что количество межнациональных конфликтов не только не сокращается, а еще больше увеличивается. Соответственно, эта модель не работает. Что нужно делать для того, чтобы межнациональных конфликтов становилось меньше? Для этого нужно сделать очередной шаг на пути к интеграции. Этот шаг, на мой взгляд, может быть связан с формированием цивилизационной идентичности, которая обеспечивает гораздо более глубокий уровень интеграции, нежели гражданская идентичность. В «Стратегии» заложена эта идея, просто ее нужно артикулировать, акцентировать, обращать на нее больше внимания. Она немного теряется среди других идей.

Что еще можно предложить для формирования именно цивилизационной идентичности, чтобы у людей вырабатывались более или менее общие ценности, мировоззрение и т. д.?

Скажем, список из 100 книг, утвержденный 16 января 2013 года. Можно спорить касательно конкретного содержания списка — нужны те или иные книги или не нужны, но сама идея мне кажется очень полезной. Если люди будут читать одни книги, у них будет формироваться примерно один и тот же духовный мир. Это очень важно. Это упрочение в общественном сознании идеи российской цивилизации, то есть понимания России не как окраины западной цивилизации, или периферии, или полноценной части, и тем более не как части восточной цивилизации.

Сегодня много говорят о том, что Россия цивилизационно очень похожа на Китай. На мой взгляд, нужно возвращаться к тем идеям, которые есть в нашем богатейшем культурном наследии, к идеям евразийства, например, что Россия — самобытная, особая, уникальная цивилизация. Сейчас в новых геополитических условиях это становится все более актуальным.

Кроме того, необходима актуализация идеи светского государства (не такого как в Исландии, а подлинно светского) как основы культурной модернизации

страны. И все это, на мой взгляд, может привести к определенному улучшению в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и по-настоящему сплотить современную российскую нацию для того, чтобы решать серьезные задачи мировой истории. А сегодня Россия возвращает себе статус великой мировой державы, и соответственно задачи эти усложняются, становятся более серьезными.

Часто говорят о нашем этнокультурном многообразии. У нас много культур, много народов и религий, и это наше несомненное преимущество. Но надо стремиться к тому, чтобы это действительно было нашим достоинством. Пока часто, к сожалению, это культурное многообразие ведет к конфликтам, непониманию.

Какой должна быть новая российская идентичность? Во-первых, ей пора выйти из кризиса, в котором она сейчас находится. Она должна быть позитивной и устремленной в будущее. С одной стороны, цивилизационная идентичность конструируется за счет обращения к истории, нашей литературе — прекрасной, великой, богатой. Но с другой — несмотря на это, она должна быть устремлена в будущее, для того чтобы мы через 30 или 50 лет жили в прекрасных городах. Ведь для этого, собственно, мы и работаем, чтобы жить именно так.

Общий вывод: необходима не только гражданская, но и социокультурная цивилизационная интеграция. Причем речь идет не об ассимиляции. Представители национальных меньшинств часто пугаются: как же так, вы ведь ассимиляцию предлагаете. Нет, это не ассимиляция. Просто под этим этнокультурным разнообразием, тем, что нас разделяет, формируется общая культурно-цивилизационная база, фундамент, который должен стать залогом успешного развития России — при сохранении всех этносов, культур и языков.

Е. И. МАКАРОВ: — Пожалуйста, вопросы.

— *В каком виде, на Ваш взгляд, должен быть представлен документ о будущей идентичности, из каких блоков он должен состоять и специалисты какого профиля должны его составлять?* (вопрос из зала)

Б. В. АКСИОМОВ: — Я думаю, что в отдельных фрагментах в «Стратегии иммиграционной политики» все это есть. Мысли о том, что Россия — уникальная цивилизация, что это не Европа и т. д. Эти идеи существуют, их просто нужно объединить, сфокусировать на них внимание и реализовывать. Прежде всего — через систему воспитания и образования.

Мы растим новое поколение. А у нас сейчас получается так: в одних регионах одна система, в других — другая. Что объединяет человека, закончившего школу, допустим, в Калининграде, и человека, который учился в горном ауле Дагестана? Ничего, кроме того, что и тот, и другой — граждане России, у обоих есть паспорт гражданина Российской Федерации. Но все остальное разное — ценности, мировоззрение, взгляд на жизнь. Как мы можем из этих людей, различных по своему духовному фундаменту, создать

единую нацию? Для этого нужно подводить общий фундамент — чтобы люди читали одни и те же книги, чтобы везде применялись примерно одинаковые технологии воспитания, образования и пр. Это очень важно. А у нас сейчас практически совершенная автономия. В Чечне с четырех лет начинают обучать законам шариата. Я понимаю, это право на культурное самоопределение, но все должно иметь определенные границы.

Понятно, что без четкой политической воли этого не сделать. Эти вопросы нужно решать на самом высоком государственном уровне — указами президента, например.

— *Спасибо за постановку вопроса, это очень интересно и правильно. Вы говорите о том, что нужна воспитательная работа. Мне кажется, нужна еще большая научная работа. Ведь в свое время, в 1990-е годы, вышел ряд статей, посвященных этим вопросам, например, в четырех или пяти выпусках сборников, которые готовил Борис Сергеевич Ерасов в Институте востоковедения. В частности, «Цивилизация России и Востока». Там публиковали Панарина, Ерасова — очень интересные статьи.*

Кроме того, нужно объединить в определенный блок литературу. Институт всеобщей истории, институт Чубарьяна, выпустил пять сборников, а сейчас идет продолжение. Летом будет выпущен новый сборник — альманах «Цивилизации», который возобновил свою работу. Вся эту литературу, очевидно, нужно скомпоновать, сейчас это все разбросано. Много такого разрозненного материала в работах Лотмана. Есть у Лихачева отдельные положения об этом. Нужно проводить большую работу. Вы эту работу как-то представляете? Мне кажется, нужна научная популяризация этой идеи. (вопрос из зала)

Б. В. АКСИОМОВ: — Спасибо большое за замечание. Я эту идею пытаюсь продвигать, причем на разных уровнях. В апреле я был в Пятигорске на совещании при полпреде. Об этом говорил Александр Геннадьевич Хлопонин. Эта идея известна, в том числе и благодаря нашему коллективу. Светлана Юрьевна Иванова тоже занимается этой проблематикой. Мы эту литературу, естественно, читаем, но ее нужно адаптировать уже непосредственно к задачам сегодняшнего дня, к конкретной ситуации в России, которая сформировалась на данный момент. Потому что евразийство — это уже далекое прошлое, но форма как бы та же, а содержание новое. И это новое содержание, помимо прочего, требует изменения формы.

Е. И. МАКАРОВ: — Марина Николаевна Ветчинова, пожалуйста, Вам слово.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — В выступлениях прозвучала мысль, что образование очень важно для установления диалога между людьми. И роль языка в этом представляется немаловажной. Так как я педагог,

преподающий иностранный язык, для меня эти два вопроса являются едиными.

Язык — это культура, культура — это язык, об этом много говорят и пишут. Но меня все-таки больше волнует, как воспитывать толерантность, как нам научиться говорить друг с другом и что для этого нужно сделать. Даже изучая технические дисциплины, нельзя принижать роль гуманитарных наук. К философии и истории можно добавить много других предметов: историю мировых религий, мировую художественную культуру и, конечно же, иностранные языки.

Я призываю изучать все предметы, но мне ближе иностранный язык. Будучи на XI Лихачевских чтениях, я в вашем городе попала в такую ситуацию. Я выхожу из гостиницы, которая находится в центре города, подхожу к переходу, народу очень много, мигает светофор. Я смотрю по сторонам. От гостиницы идет группа туристов. Я понимаю, что это иностранцы, они идут с картой Петербурга и говорят на французском языке. Они видят, что человек из толпы обращает взгляд в их сторону, направляются точно ко мне и, показывая карту, начинают у меня спрашивать, как им пройти на Невский проспект. Я очень обрадовалась. Надо было приехать из Курска, оказаться на пешеходном переходе в Санкт-Петербурге, чтобы ко мне подошли французские туристы и попросили объяснить, как пройти на Невский. Знание иностранного языка помогло. Они были сильно удивлены. Спрашивают: «У вас что, все так говорят по-французски?». Я слукавила: «Конечно, у нас все очень любят Францию». Мы движемся к Невскому проспекту и, естественно, ведем диалог, пусть и не двух культур. Их человек шесть, я одна. Мы были очень довольны общением друг с другом. На следующий день в гостинице мы встречаемся за завтраком, и они меня уже приветствуют, как будто я их старая знакомая. Мы установили диалог благодаря знанию иностранного языка.

Что касается системы образования вообще, меня волнует еще один вопрос. Всем известно, что в средних школах учится много детей мигрантов. Как их учить? По нашим учебникам, культурно-религиозным образцам? Но это требует специальной подготовки педагогов. Или все-таки по их культурным образцам? Для этого тоже нужна подготовка специалистов и вложение денег.

— *Спасибо, Марина Николаевна, за интересное выступление. Тем более что Ваш личный опыт нашел здесь свое место. Предыдущие ораторы поднимали вопрос о влиянии английского языка на русский. Этические проблемы, к сожалению, существуют. Насколько ощущается влияние французского языка на русский язык сегодня?* (вопрос из зала)

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Все течет, все изменяется, и, естественно, английский язык впереди планеты всей. Роль французского языка несколько снижается. Известно, что XIX век — век англomanии. Но уже тогда были проведены исследования, высказывались идеи о создании языка международного общения. Ма-

тематические расчеты показывали, что английский будет доминирующим языком во всем мире. Английский язык везде и всюду, но, тем не менее, французский тоже не забыт. Давайте посмотрим на витрины наших магазинов. Французские названия — магазин «Мишель», не Миша, «Катрин», «Иль-де-Ботэ», «Рив Гош» — это все французские названия. Иногда диву даешься — пишут русскими буквами по-французски, при этом искажая произношение французского слова. Может быть, у нас осталась генетическая любовь к Франции? Или что-то другое? Но, тем не менее, Франция присутствует, генетика это или интерес — не знаю.

Е. И. МАКАРОВ: — Рискну дать промежуточный ответ на тот вопрос, который Вы поставили, — в отношении преподавания в школе детям разных культурных традиций и этнических групп. У меня есть личный довольно интересный опыт. В 1965 году меня, ученика 4-го класса, отправили в аудиторию чеченских детей для ведения атеистической пропаганды. При этом дали в руки книжку, в которой объяснялись проблемы противоречий христианской религии. В общем, я приблизительно три урока провел с этими детьми — они были из 1–2-го классов, а я — из 4-го. После третьего урока я понял, что мы живем в абсолютно перпендикулярных измерениях. Они не могут понять, о чем я рассказываю, а я — почему они так реагируют. Поэтому здесь важно не просто поставить вопрос в проблематике сегодняшнего дня, но еще и профессионально подготовить научное и профессиональное сообщество, чтобы оно было способно понимать этот вопрос. Понимание, которое было в 1960-х годах, привело к сегодняшнему состоянию дел.

Слово предоставляется профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Я хочу высказать свое мнение относительно одного из утверждений, сделанного нашей коллегой из Ярославля, о том, что Россия сегодня может служить примером для диалога культур. У меня утверждения такого рода вызывают большие сомнения, поскольку историческая практика этого не подтверждает. Известные события в Кондопоге и Мичуринске, более того, ее опровергают.

Круг вопросов, который сегодня обсуждается, — диалог и конфликты культур — для нашей страны является чрезвычайно актуальным. Мои сомнения может подтвердить практика событий этнокультурного развития, которые сегодня происходят в ряде наших республик. Профессионально мои интересы ограничены шестью финно-угорскими республиками нашей страны. Этнокультурные процессы, которые сегодня там происходят, не соответствуют подобному рода утверждениям. Коллега из Ростова-на-Дону утверждал противоречие между этнической и гражданской идентичностью. Сегодня эта проблема не ощутима физически, может быть, даже в сознании, но вообще она в нашей жизни стоит чрезвычайно остро. Поскольку все предыдущее развитие нашей страны шло в сторону

укрепления этнической идентичности. Процесс глобализации в какой-то степени способствует этому, поскольку благодаря взаимодействию культур укрепляет элементы национального самосознания, что проявляется в культурном, национальном или этническом самосознании и самооценке.

Но в нашей литературе и вообще в различного рода аналитических материалах остается вне внимания следующий аспект глобализации: несмотря на этот процесс, культурное неравенство все равно сохраняется. И такого рода противоречия, то есть несоответствие роста национального самосознания и культурной неоднородности, культурной слабости некоторых стран, вызывают явления, которые мы сегодня наблюдаем в этнокультурных процессах, движениях.

Ярким примером сегодня является Украина. Наши исследования или наблюдения за этнополитическими процессами в финно-угорских республиках дают интересные выводы. В 1990-х годах появление первых национальных, этнокультурных организаций прежде всего было связано с защитой, сохранением культурных традиций. Потом эти организации, объединения постепенно трансформировались в этнополитические и стали претендовать на решение политических вопросов, определение политического климата и т. д. После известных законов, которые ограничили такого рода деятельность, они пережили третью трансформацию и стали называться общественными объединениями. В разных республиках они имели разную степень популярности и авторитета и, соответственно, политического влияния. Где-то это влияние было довольно широким, и, по сути, они почти определяли внутреннюю политику в соответствующих республиках. Имеются в виду прежде всего Мордовия, Республика Коми, Карелия. Другие организации такого серьезного влияния не оказывали и остались в полужающем состоянии. Но по мере того как эти организации трансформировались, они периодически активно вступали в политическую жизнь. Обычно это было связано с выборами, когда местная элита, руководители стали использовать эти организации, или, точнее, их политический ресурс, в качестве способа влияния на избирателей, граждан этих республик. В конечном счете этим организациям удалось решить вопросы, связанные прежде всего не с консолидацией культур, не с диалогом культур, а именно с диктатом культур местного, коренного населения по отношению к остальному населению республик. А ситуация во всех республиках прозаичная — ни в одной из них коренное население не является доминирующим. Практически везде, во всех этих шести республиках, доминирующим является русское этническое население, русский конгломерат.

По мере того как использовался потенциал этнических, национальных объединений, стали проводиться интересные мероприятия, например культурные события или действия, которые основывались на этническом подходе. Скажем, проводится конкурс «Финно-угорская красавица». К конкурсу допускаются только представители финно-угорского населения республики. Или проводятся спортивные соревнования по боксу

среди финно-угорских республик. Представители других национальностей на эти соревнования не допускаются. Лыжные соревнования — то же самое. Получается, что внутри одной республики какая-то часть, прежде всего коренное население, получает преимущество перед другими. Более того, такого рода инициатива получает поддержку администрации, руководства региона, они выделяют на них средства и т. д. Что это означает, если мы будем исходить из конституционного равноправия всех граждан? Не геноцид, конечно, но этническое неравноправие.

Что касается проблемы изучения языка коренного населения, здесь тоже возникают проблемы, связанные не с диалогом культур, а прежде всего с диктатом. В Республике Коми и Мордовии приняты законы, обязывающие всех учеников школ изучать язык коренного населения. Таким образом, принятие этого закона не соответствует праву человека на свободный выбор своей культурной идентичности. Принудительно заставляя заниматься культурой, законодательно требуют изучать культуру и язык, которые вы не хотите изучать. Самые большие в этом отношении проблемы возникли с изучением языка коренного населения в Воркуте, где оно составляет всего 3 %. Но все остальные, согласно этому закону, должны были изучать язык коренного населения. Вопрос о добровольном выборе изучения поддержки не получил.

Завершая свое выступление, хочу сделать следующий вывод. В 1980-е годы мне довелось работать на Украине. Именно тогда зародилась тенденция развития украинской самобытности, идентичности, результаты которой мы сегодня наблюдаем. По сути, выросло поколение, воспитанное на этих идеях. То, что сегодня творится в наших финно-угорских республиках, напоминает этот процесс в начале.

Стратегия, упомянутая здесь, сегодня эффективно не работает. Нужны другие способы, прежде всего программа по развитию этнических, этнокультурных отношений в России. И если мы в соответствии с этой программой не начнем управлять процессом, то через 15–20 лет у нас будет вторая Украина.

Л. Г. ТИТОВА: — Поскольку в мой адрес было сказано несколько слов, я прокомментирую. Вы употребляете фразы «использовали», «издание закона», «необходима программа». Приведу два примера. Я украинка и много лет прожила в Одессе, которую хорошо знаю. Люди — греки, венгры, словаки, чехи, евреи, украинцы, в общем пестрая картина — жили на одной территории достаточно мирно. Распалась империя — началась большая драка. Что это? Изнутри свойственное народу стремление отстаивать свою национальную идентичность агрессивным способом или политикой, в которой заинтересованы определенные круги и группы, на этом выстраивающие реализацию своих интересов?

Второй пример. Ярославль сегодня. У меня есть возможность сравнивать разные территории. Ярославль — пестрый по национальному составу город. У нас действует Ассамблея народов России, которая объединяет много диаспор, в том числе чеченскую,

армянскую, азербайджанскую, татарскую, таджикскую, узбекскую и т. д. Много народа проживает на этой территории. Они так или иначе функционируют. Пока действует эта ассамблея, в Ярославле тихо, как только ее работа начала давать сбой, у нас чуть не сожгли мечеть. Потом все наладилось. Возникает тот же вопрос: может быть, эта агрессия — в интересах определенных кругов, которые муссируют негатив, или внутри свойственна народам?

А. П. САДОХИН: — Когда абстрактно говорят о том, что за какими-то событиями стоит заинтересованность каких-то кругов, я таким вещам не доверяю. В этом случае речь идет ни о чем. Что касается первого вопроса. Ни одна страна, ни одно государство, ни один народ не заинтересованы в решении вопроса силовым путем, который сегодня реализуется на Украине. Такого рода конфликты возникают при полном попустительстве властей, при хаотичном, неуправляемом развитии ситуации.

Что касается Вашего примера о, так сказать, благословенном сосуществовании целого ряда наций и народов на территории области, то я думаю, что это продлится до тех пор, пока какой-либо из этносов или народов не начнет претендовать на особое положение. Мирного или осознанного сосуществования здесь нет.

— Не секрет, что в разных уголках мира происходят настоящие конфликты, которые там длятся десятилетиями. Как в этих условиях, когда люди с детства воспитываются в ненависти, сформировать толерантность? (вопрос из зала)

А. П. САДОХИН: — Толерантность — красивое слово. В 1995 году мы по гранту Министерства образования проводили опрос, посвященный формированию толерантности среди школьников старших классов. Были опрошены школьники Брянска, Рязани, Казани и Москвы. Где оказались самые толерантные школьники 11-го класса? В Казани. Формирование толерантности возможно только в межкультурном единстве, в межкультурной атмосфере. Самыми нетолерантными оказались брянские школьники, где область моноэтническая. Поэтому что касается формирования толерантности, то реально и фактически только межкультурная атмосфера способна сформировать это чувство.

Надежда МАКСИМОВА, II курс, факультет конфликтологии: — *Мой вопрос имеет отношение к Республике Коми. Каким образом решить назревающий там конфликт коренного и русского населения по поводу введения закона об обязательном изучении языка коми? Как можно разрешить эти противоречия?*

А. П. САДОХИН: — Очень просто. Предлагалась идея, чтобы выбор языка был добровольным, с согласия родителей.

Н. МАКСИМОВА: — Знаю, что в сыктывкарских школах выбора не предоставляли.

А. П. САДОХИН: — Да, там это было принудительно. Мнения и движения, которые выступали против этого закона, на законодательном уровне республики не были учтены. И надо сказать в контексте этого вопроса, что вообще уровень преподавания там низкий, не только в Коми, но и в других республиках. Как правило, нет нормальных учебников по языку, квалифицированных преподавателей либо их очень мало.

Е. И. МАКАРОВ: — Я хочу высказать две ремарки по поводу Республики Коми. Есть политическая реальность, которая заключается в том, что большинство депутатов республики проголосовали таким образом, как сейчас было сказано. Если мы видим нарастание такой тенденции, то необходимо вводить механизмы, которые позволяли бы затруднить элементарные схемы проведения такого голосования. Например, вводится федеральная норма, которая предусматривает голосование по такому вопросу не простым большинством, а квалифицированно. Таким образом, можно создать некоторое ограничение. Это административное регулирование.

Вопрос о конспирологии. Здесь часто говорят, что заинтересованы какие-то темные силы. Но в нашем обществе и вообще в мире все происходит по конкретным причинам. Если говорить о финно-угорском населении, то начало этого процесса было положено принятием финно-угорским миром, который включает, помимо шести республик, еще три государства (Финляндию, Эстонию и Венгрию), на своей территории программы по поддержке единства этого мира и интеграции в рамках глобализации. Как только эта программа была принята, она была профинансирована, и сразу же началось давление. В настоящее время она угасает, соответственно мы видим некоторое снижение интереса к этой тематике. Всегда можно найти людей, которые занимаются подобного рода деятельностью и продвижением таких идей.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Я хочу сказать по поводу ответственности культур. У меня создается ощущение, что вольно или невольно некоторые выступления представляют взаимодействие культур следующим образом: есть японская конфигурация культуры, есть русская, поэтому им необходимо взаимодействие в разных местах и вместе им никогда не сойтись. Я хочу предложить другое понимание культуры. Культура — это некая матрица, одинаковая для Мадагаскара, Кубы и России. Ячейки этой матрицы наполняются определенным содержанием. Эта матрица образуется ответами на четыре вопроса. Вопрос первый — какова сфера популяризации добра? Второй — какова сфера популяризации зла? Третий — возможна ли победа добра над злом и какими методами это осуществляется? И четвертый — какова историческая длительность или перспектива победы добра над злом? Я считаю, что такой подход многое объясняет — в чем взаимодействие, а в чем различие культур, откуда агрессивное навязывание одной культуры ценностей другой культуре.

Е. И. МАКАРОВ: — Большое спасибо, это ценное замечание. Слово предоставляется главному научному сотруднику Южного научного центра РАН Светлане Юрьевне Ивановой.

С. Ю. ИВАНОВА: — Добрый день, уважаемые коллеги, сограждане, судари и сударыни, господа и товарищи! Столь витиеватое обращение является иллюстрацией того, о чем я буду говорить. Мы живем в ситуации, когда еще не обрели субъектность; в языке это выражается в том, что у нас нет самоназвания, определенной формы обращения друг к другу. Мы испытываем затруднения на разных этапах обращения.

Е. И. МАКАРОВ: — Существуют региональные формы обращения, в Санкт-Петербурге принято, допустим, «дама».

С. Ю. ИВАНОВА: — Региональное не всегда работает на интеграционные процессы, являясь их частью.

Меня задел, заинтересовал и совпал с моими размышлениями вопрос к Борису Владимировичу касательно того, кто и как это будет делать. Вопрос, как нам реализовать благие цели (достижение социального согласия, обретение социальной интеграции, субъектности, позитивного образа будущего), уже стоит. Такая задача сформулирована политическим руководством страны. Задача подспудная, ощущается и в общественном сознании, но ответ на вопрос, кто и как это будет делать в новых условиях для новых субъектов социальных процессов, в частности для молодежи — очень сложный.

Мы живем во время технологий и технологов, рекламных кампаний, избирательных процессов и примерно понимаем, как это происходит. Мне кажется, что это интересная тема либо для будущих Чтений, либо для отдельного обсуждения — как объединить возможности и потенциал науки, политиков и технологов, рекламщиков, телевизионщиков, потому что именно они сейчас являются субъектами формирования того, что есть мы, того, что мы называем самоощущением и самосознанием. Мы можем сколь угодно переиздавать замечательные труды Данилевского, Ильина, но без наполнения контента информационного пространства подобными символами, смыслами и образами этот процесс не будет эффективен. Как бы мы ни скорбели по этому поводу, большая часть молодежи, мы говорим не только о тех, кто сидит на университетской скамье, перестала читать. Об этом свидетельствует, в частности, падение тиражей газет.

Я хочу поговорить о российской идентичности, но несколько в другой плоскости, чем Борис Владимирович, — о российской идентичности в ее соотношении с русской идентичностью, потому что без обретения субъектности русским этносом в этих процессах довольно сложно добиться позитивного результата.

Идентичность прошла (о чем уже говорили коллеги) три этапа — самодержавный, имперский и постсоветский периоды. Причем дважды эти изменения

произошли насильственным путем и за достаточно короткий срок, в частности от имперского к советскому и от советского к новому российскому периоду. Была разрушена система ценностей, смыслов и образов, на которых строилась советская идентичность, до этого была разрушена революционным порядком система смыслов, образов и ценностей, превращающих население в народ. Именно культура превращает население в народ. И насильственное насаждение новых образов и смыслов не прошло бесследно.

Для того чтобы двигаться дальше, необходимо понять, где мы сейчас находимся. А это невозможно без обращения к прошлому. У истоков идентификационных исследований стоял Чаадаев, и его фраза сейчас так же актуальна, как и более чем столетие назад: «Народы не могут ни на шаг продвинуться по пути прогресса без глубокого чувства своей индивидуальности, без осознания того, что они такое». Что мы есть такое — это ключевой вопрос. Ответы на него сейчас пока множественны. Хотя единого ответа быть не может. Чаадаев выделил критерии развитости цивилизации. Это благоустроенная жизнь народа в различных ее элементарных проявлениях. Чем не цель и смысл сегодняшнего существования? Можно вспомнить и замечательное высказывание Ломоносова, что цель — это сбережение народа, так же как и его процветание. Им же был раскрыт феномен «европейничания».

Эти слова звучат как никогда актуально, потому что элита эпохи транзита, которую мы сейчас пережили, эпохи перестройки была вестернизирована. В определенном смысле мы строили либеральный проект, который за 15 лет не построили, и сейчас об этом свидетельствуют многочисленные опросы, идет определенное отторжение либеральных ценностей, поиск иных смыслов.

Иван Александрович Ильин определил систему ценностей, которую мы ищем в настоящее время; это вещи аксиоматичные, но тем не менее об этом нужно говорить, это нужно визуализировать, популяризировать новыми способами, средствами и формами. Потому что человек советский как психотип, феномен был создан именно технологическими средствами советской пропаганды, интернационализма, единой унифицированной системы образования, единого «Первого канала» и тому подобными — теми технологическими средствами, которые были доступны в ту эпоху и активно использовались.

Три феномена определяли особенность России и русского народа. Говоря о России, в своих трудах Ильин постоянно апеллирует к русскому народу. Эти факторы сохранились, и сейчас их нужно учитывать в духовно-идеологических процессах. Это бремя земли. Бремя земли — 1/6 территории, но она несколько сократилась после распада СССР. Мы испытали большой народный подъем после присоединения Крыма. Одна швейцарская газета написала о событиях весны этого года, что в России произошла патриотическая революция — благодаря присоединению Крыма. Подъем на некоторое время достигнут, но как удержать этот потенциал, порыв — сложная

задача, не только духовная, но и управленческая. Бремя природы — территория России довольно сложна для ведения сельского хозяйства. Бремя народности выражается в полиэтничной, поликультурной структуре (около 180 различных народов).

Что такое русскость? Это понятие отождествлялось с некоторыми феноменами, объединяющими символами. К сожалению, их немного, но они должны быть в визуальном пространстве. Я возвращаюсь к тому, с чего начала выступление: рекламщики первыми уловили социальный заказ на русскость, и, к сожалению, она появилась сначала в рекламе. Русское чаепитие, русская водка и т. д. Трансформация символов — достаточно опасная вещь, без которой этот процесс не может происходить. Это мы видим на улицах наших городов. Например, на одном символе святого Александра Невского можно увидеть, какую трансформацию он претерпел.

Два аспекта осложняют этот процесс: с одной стороны, глобализация, потому что мы находимся в глобальном мире и не можем оторваться от глобальных процессов, и не должны. Современная Россия — это часть мирового пространства. С другой стороны, влияет, затрудняет формирование этого идентификационного проекта другой вектор влияния — рост значимости этнических идентичностей, этот процесс тоже идет волнообразно. Эти два вектора влияют на процесс формирования тождества и единства. Но в этой области пока отсутствуют яркие, сильные, мощные технологические прорывы.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Приглашаю на трибуну доцента Северо-Кавказского федерального университета Светлану Владимировну Попову.

С. В. ПОПОВА: — Я также хочу затронуть тему российской цивилизации и цивилизационной культуры. Как уже было сказано, современные процессы глобализации все более усиливают противоположные процессы локализации. В такой ситуации возрастает роль интеграционных процессов в современной России. Возникает проблема осмысления сущности и предназначения собственной культуры, а также культурного самоосмысления. В плане социальной интеграции практически с начала перестроечных процессов в нашем обществе начались дискуссии о необходимости национальной идеи как условия выхода России из кризиса.

Однако с провалом перестройки, распадом СССР стихийно формирующееся Российское государство не нашло ничего лучшего, как провозгласить политику полной деидеологизации. Как известно, такая политика отражена в ст. 13 Конституции РФ. Однако мы считаем, что не может быть стабильного государства без ясных и ярко выраженных целевых установок и перспектив на будущее, без общей для всего общества системы ценностей, идеалов и ориентиров, что является основой сохранения цивилизации.

В связи с этим перед государством и обществом встает проблема формирования общенациональной идеологии. В этом плане необходимо дать ответы

на следующие вопросы: кто мы, какова новая Россия, каковы наши национальные интересы в современном мире? Сегодня становится все более очевидным, что Россия — это не Европа. У нее другие, прежде всего духовные, ценности. Особенно ярко это продемонстрировало последнее «Евровидение» и его итоги. Сегодня несоответствие сущности российской цивилизации базовым основам США и ЕС, слепое следование моделям рыночной экономики вступили в противоречие с этнокультурными ценностями и идеалами российской цивилизации, что угрожает сущности самой России как цивилизации.

В качестве примера я хочу привести результаты исследований, проведенных Центром научной политической мысли и идеологии. Если смотреть на материальные мотиваторы индивидуальной производительности труда, то становится очевидным, что российский показатель в этой ситуации неконкурентоспособен. Россия находится на достаточно низком уровне. Но если анализировать духовную, нематериальную мотивацию индивидуальной производительности труда, то у России этот ресурс максимален. Однако именно сейчас нематериальная мотивация труда максимальным образом подавляется. Возникает вопрос: может ли Россия исторически выжить в подобных условиях как самостоятельная и уникальная цивилизация?

В то же время к положительным итогам либерализации можно отнести то, что в обществе складывается модель социума с поступательным устойчивым развитием, формируется ментальность, которая приняла и поддерживает идеалы правового государства и институты гражданского общества. На современном этапе национальным интересам России требуется не столько гонка за изменениями, сколько устойчивый баланс традиций и инноваций, ценностей Востока и Запада, определение своего истинного положения в многополярном мире. При этом мы считаем, что национальная идея России должна быть не сугубо политической, а отражающей интересы России как цивилизации, и стать национальной идеологией российской цивилизации. Центральным ядром модели российской цивилизации в этих условиях может быть, в частности, традиционная духовность, общие идеалы и ценности, полиэтничная и поликонфессиональная культура.

Важным аспектом в этом плане является формирующееся гражданское общество и такие ориентиры, как принцип ненасилия, дискурс, то есть открытое глобальное обсуждение острых проблем, а также приоритет дарения над эквивалентным обменом. Как показывает современная практика, выход из насилия может заключаться в ненасильственном сопротивлении злу. Не в уходе от борьбы, а в созидательной борьбе без применения насилия, стремлении понять оппонента и поиске компромиссов. При этом в общемировом пространстве, если учитывать события последних лет, Россия также может выступать в роли защитника ряда различных государств от агрессии со стороны западных стран.

В современных условиях, возможно, именно России предстоит определить направление общего для современной цивилизации развития. Для этого

существуют все предпосылки — Россия уже сегодня способна оказывать и оказывает влияние на геополитические процессы в современном мире, используя свои культурно-исторические, политические, природные и иные ресурсы. Российская цивилизация объединила уникальные традиции и особенности различных цивилизаций и представляет собой уникальный самодостаточный духовный мир. Значительная часть нашего общества и сегодня сохраняет в себе дух справедливого, нравственного и неагрессивного отношения к окружающему миру. И наша непрагматичность, часто не позволяющая решать насущные материальные вопросы в стратегическом плане, представляет собой важнейший духовный ресурс, который всегда давал возможность русскому миру объединяться, отражать различные угрозы, мобилизовываться, несмотря на наличие внутренних проблем и противоречий в разных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, российское общество в современных условиях имеет все шансы для установления своего лидерства, однако это лидерство не означает установления мирового господства. Сложившаяся геополитическая ситуация характеризуется тем, что различные общества теряют свои духовные основы. Россия могла бы стать одним из ведущих духовных центров, играющих уравнивающую роль в мировой политике. Для этого мы должны непротиворечиво соединить свое прошлое, настоящее и будущее, переосмыслить свою культурно-цивилизационную идентичность, выработать стратегические смыслы, цели и перспективы общественного развития в новых условиях.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Алле Петровне Охота.

А. П. ОХОТА¹: — На Лихачевских чтениях в течение двух дней выступило много замечательных людей. Когда возник вопрос о диалоге культур, мне стало понятно, что диалога нет. Значит, нет и культур. Вчера на пленарном заседании кто-то сказал, что война — это диалог культур. На мой взгляд, это не так. Война — это диалог бескультурия. Может быть, это не относится к области научных исследований. В частности, А. А. Гусейнов говорил о том, что новую реальность нужно почувствовать таким образом, чтобы найти новую точку отсчета. Мы ее не нашли. И этой новой точкой отсчета будет являться нечто другое — культура, но другая, о которой, возможно, мы забыли. Не может быть, чтобы природа создала человека и изначально не заложила то культурное, на основе чего оно вечно.

Я хочу рассказать об одном удивительном открытии и объяснить, причем здесь диалог культур и для чего мы всегда пытаемся договориться при различных мнениях. В основном для того, чтобы быть счастливыми, найти решение. Для процветания, здоровья, взаимоотношений, порядка нужен диалог. Нам необходимо сохранить свое счастье — то, ради чего мы

живем. В этот мир мы приходим, работаем и учимся, любим для того, чтобы быть счастливыми. Счастье нам необходимо, как энергия. И когда она постепенно уходит, необходимо искать решение. Я считаю, что счастье — это наше право по рождению, и мы должны думать о том, как его вернуть, сохранить и что оно нам дает.

Группа ученых, в том числе медики, изобрела прибор, который измеряет энергию счастья. Насколько это правильно — показать человеку счастье, чтобы тот заболел о нем, искал решение, и, может быть, тогда его культура будет выше. На этом приборе четыре деления, которые зависят не от возраста, образования, а от внутренней духовной культуры, являющейся нашим счастьем. Будьте счастливы!

Е. И. МАКАРОВ: — Большое спасибо. Прошу Михаила Константиновича Горшкова, который открывал заседание нашей секции, поставить логическую точку на этих Лихачевских чтениях.

М. К. ГОРШКОВ: — Уважаемые коллеги, состоялась очень интересная, насыщенная проблематикой дискуссия, причем как по количеству поставленных вопросов, так и по их обсуждению, комментариям, вопросам, ответам — и все это было живо. Но главный итог все-таки для меня состоит в другом — в выражении лиц и глаз, которые я вижу в этой аудитории. Почти четыре часа я наблюдал заинтересованные, напряженные, вдумчивые лица: мы пытались не просто понять, но и сформулировать свое мнение, позицию о том, о чем говорят диспутанты на трибуне. Это лишний раз подчеркивает, что тематика нашей секции и вообще Лихачевских чтений задумана очень правильно. Этот круг вопросов, независимо от того, какая специальность будет стоять в вашем дипломе, касается каждого из нас. Я представляю смутение, которое испытывали молодые участники нашей аудитории, когда пытались примерить, сопоставить свое внутреннее «я» с характеристикой внешней социокультурной среды, о которой шла речь. И мне кажется, что это тоже является одним из важных творческих результатов.

Если говорить о характеристике вопросов (а выступило примерно 15 человек), то интересно их разнообразие. И чистота языка в формировании культуры и культурной среды, даже знание французского в решении этого вопроса, ценностное ядро, роль брендов, соотношение элитарной и массовой культур. Кстати, постановка вопроса о роли брендов была несколько, может быть, необычна для этой группы фундаментальных проблем, но надо иметь в виду, что в современном мире продвижение культуры, культурных образцов невозможно без овладения массовыми образами. Как можно овладеть массовыми образами, чтобы привить широкой социальной среде некую культурную ценность? Для этого нужны новые специальные технологии. Если мы не умеем, не успеваем, значит, будут уметь и успевают другие. Этой части, к сожалению, мало уделяется внимания. В проекте документа «Основы государственной культурной политики» об этом почти ничего не сказано.

¹ Психолог-консультант Национального открытого университета России, кандидат психологических наук, член Санкт-Петербургского философского общества, Санкт-Петербургского философского клуба.

Проблемы роли стереотипов в системе «коренное население — мигранты», соотношения этнической и гражданской идентичности, важности общероссийской идентичности затронул Анатолий Васильевич Дмитриев.

Прозвучало много интересных вопросов. Некоторые из них я хочу прокомментировать. Когда говорили о проблематике идентичности, ссылались на наших государственных деятелей. Никто не вспомнил в приложении к этому аспекту проблемы удивительную даже для нас, обществоведов, речь В. В. Путина, прозвучавшую на юбилейном заседании Валдайского клуба летом 2013 года. В 15-минутном выступлении он дал понимание, трактовку современной российской идентичности, проблематику нахождения механизмов, путей ее сохранения, развития и утверждения. Потом мы подняли свои материалы, все наши аналитические доклады, исследования Института социологии, которые наработали за 20 лет, — фактически все было представлено в речи президента с точки зрения современного понимания новой России, того, что она прошла за эти 23 года, что потеряла и что должна вернуть. Наш образ жизни, понимание нашей истории и нашего будущего. Пять страниц речи Путина стоят 500 страниц.

Что касается идентичности, я хочу привлечь ваше внимание еще к одному материалу. Я являюсь председателем редакционных советов разных журналов. Во втором номере журнала «Власть», достаточно известном, популярном в России и за рубежом, не без дискуссии редколлегии решилась опубликовать материал круглого стола «Русская матрица». Это редкий случай, когда научная литература читается как детектив. Была предпринята попытка проследить историю, о чем сегодня здесь говорилось, становление неформальной русской цивилизации, особенности пути. Есть ли у России особый путь, или мы его придумали?

Следует сказать несколько слов о роли Дмитрия Сергеевича Лихачева в этой проблематике и в том,

что мы сегодня обсуждали. Иногда нужно осторожно обращаться к некоторым выражениям. Ко многим из них мы привыкли. Например, Россия — не Европа, при этом ссылались на Чаадаева; Россия — не Восток; «умом Россию не понять». Это классика, а с классиками спорить не принято. Но почему Россия — не Европа, в каком смысле? В географическом? Конечно, не Европа. Это Евразия. В социокультурном, в политическом отношении то же, с точки зрения своего статуса, веса на международной арене. Каков контекст ссылки на подобного рода изречение? Или «умом Россию не понять». На мой взгляд, классик-поэт погорячился. Именно умом современную Россию можно понять. Вопрос в другом — в количестве и качестве этого ума. Это имеет прямое отношение к нашей аудитории, вообще к обществу. Если у гуманитарной обществоведческой интеллигенции России хватит ума (и количества, и качества), мы сможем понять свою страну, свое общество. Если нет, то не на кого пенять — только на самих себя. Можно вспомнить еще одного классика, но уже партийного, по фамилии Андропов, который в 1983 году на пленуме ЦК обронил фразу: «Мы живем в обществе, которого еще не знаем». Мы до сих пор можем повторять эту фразу.

Я хочу закончить цитатой из одного выступления Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, природных ресурсов, но и духовных ценностей». Подспудно, я думаю, Дмитрий Сергеевич имел в виду, что мы научились извлекать природные ресурсы и природные богатства и ставить их на службу России и не только. Но как извлекать и распоряжаться великими духовными ценностями — над этим вопросом он призывает нас задуматься.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо всем за участие в заседании нашей секции. Всего доброго! До следующих Лихачевских чтений.